

Революция в теории познания?

А. Назаретян выразил довольно распространенное среди философов умонастроение. Советские философы, к сожалению, долгое время были лишены возможности участвовать во многих движениях мировой философской мысли, оставаясь, в частности, в разработке проблемы истины в значительной мере на уровне XIX века. Дискуссия по проблемам теории истины давно назрела. Диалектический материализм сошел с пьедестала единственно верного учения и вместе с ним утратила статус непогрешимости и разработанная в его контексте теория истины. Идут поиски новых подходов, в том числе раздаются призывы вообще отбросить понятие истины. Назаретян высказал эту мысль ясно и энергично. Я не могу разделить той позиции, которую он пропагандирует, однако считаю полезным столкнуться с разнообразными мнениями, существующими ныне в этой области, чтобы под огнем критики их защитники более глубоко продумали свои позиции и показали, как они могут справиться с возможными возражениями.

В дальнейшем я буду говорить только о классической концепции истины, рассматривающей истину как соответствие мысли своему предмету. Данное понятие истины отнюдь не является мифологическим. Оно восходит к Платону и Аристотелю, и именно оно было знаменем науки и философии Нового времени. Г. Галилей и И. Кеплер, Ф. Бэкон и Р. Декарт как раз и стремились показать, что наука, в отличие от схоластики, дает истинное описание окружающего нас мира. Убеждение в этом служило важнейшим стимулом научной деятельности на протяжении трехсот лет. И только в начале XX столетия положение стало изменяться.

До тех пор пока понятие истины использовалось в общем и не очень определенном виде, особых трудностей с его употреблением не возникало. Можно было верить, что научное знание дает нам более или менее адекватную картину действительности и в этом смысле истинно. Успехи науки Галилея и Ньютона подкрепляли эту веру. Мысль И. Канта о том, что сама по себе объективная реальность нам не дана и можно говорить лишь о соответствии знания данным *опыта*, не смогла серьезно поколебать всеобщую веру в истинность научного знания.

Однако развитие науки в конце XIX — начале XX века поставило перед классической концепцией истины серьезные проблемы. Революция в физике, связанная с пересмотром фундаментальных представлений классической науки о материи, пространстве и времени, показала, что теории, в течение столетий не вызывавшие никаких сомнений, находившие широчайшее практическое применение и, казалось, подтвержденные громадным материалом человеческой деятельности, строго говоря, *не истинны*. Реакцией на революционные изменения в науке было возникновение прагматизма и конвенционализма, которые попытались придать новый смысл понятию истины.

Параллельно изменениям в науке интенсивно разрабатывался логико-семантический аппарат в трудах Г. Фреге, Б. Рассела, Л. Витгенштейна и др. Для теории истины это имело даже большее значение, чем изменение научных представлений о мире. Возрастающий интерес к точному описанию структуры научных теорий и логико-семантическому анализу языка науки привел к тому, что обсуждение истинности человеческого знания стало приобретать все более точный характер: проблему истины стали рассматривать не вообще, а в отношении отдельных элементов знания — предложений и теорий. При таком конкретном, так сказать, «атомарном» подходе сразу же обнаружилось, например, что понятие истины применимо далеко не ко всем предложениям, которые могут быть использованы

Никифоров А. Л.— доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

наукой. В частности, оно неприменимо к бессмысленным предложениям, таким, скажем, как «Юлий Цезарь есть простое число» или «Сила тока в цепи равна 2 килограммам». Для многих же типов осмысленных предложений смысл понятия истины оказался совершенно не ясен,

Важным шагом на пути конкретизации и уточнение классического понятия истины с помощью логико-семантического аппарата явилась известная работа А. Тарского¹. Тарский рассматривает истину как свойство осмысленных предложений, которым они могут обладать или не обладать. Общую основную идею классического понимания истины — идею соответствия мысли действительности — Тарский стремится точно сформулировать для каждого предложения. Что значит, например, что предложение «Снег бел» истинно? Классическая концепция отвечает: это значит, что данное предложение соответствует действительности. Тарский уточняет: предложение «Снег бел» истинно только в том случае, если снег на самом деле бел. Таким образом, в теории Тарского общая идея соответствия мысли действительности трансформируется в идею соответствия отдельного предложения тому фрагменту действительности, который оно описывает, т. е. некоторому факту.

Но что значит, что отдельное предложение или теория в целом соответствует фактам? Какой смысл имеет понятие соответствия? Соответствие наших представлений вещам и явлениям всегда истолковывалось как *сходство* представлений с вещами. Считалось, что знание о мире рисует его портрет и точно так же похоже на мир, как похож портрет на оригинал. Прогресс же познания состоит в том, что в портрет реальности мы вносим дополнительные черты, уточняем его, исправляем и благодаря этому добиваемся все большего сходства портрета с оригиналом. Этот наивный кумулятивизм в понимании прогресса познания и лежащая в его основе столь же наивная теория отражения были отброшены при более детальном проникновении в структуру науки и в процессы ее развития. Научная теория опирается на фундамент абстрактных понятий и величин, создает систему идеализированных объектов, часто весьма далеких от известной нам реальности, и ее (науки) утверждения непосредственно относятся именно к этим *идеализированным объектам*. Поэтому научные теории *в принципе* нельзя непосредственно соотносить с действительностью, это сопоставление обычно оказывается весьма сложным и опосредованным. В каком же тогда смысле можно говорить о соответствии научных теорий действительности, т. е. об их истинности? Остается одно: говорить об их соответствии результатам наблюдений и экспериментов, об их проверке — подтверждении или опровержении.

Представители логического позитивизма истолковали это соответствие как *подтверждаемость* предложения или теории чувственно данным, опытом, экспериментальным результатом. Первоначально логическим позитивистам казалось, что можно добиться полного и окончательного подтверждения хотя бы некоторых предложений языка науки и это даст нам основание считать, что такие предложения соответствуют фактам, т. е. истинны. Однако в случае научных предложений или теорий для полного подтверждения нам требуется проверить бесконечное число отдельных случаев. Ясно, что это невозможно, и самое большее, на что можно рассчитывать,—это частичное подтверждение, которое никогда не даст нам полной уверенности в истинности предложения или теории. Поэтому логические позитивисты отбросили понятие истины, поставив на его место понятие *частичного подтверждения*.

К. Поппер еще сохраняет понятие истины. Полное подтверждение невозможно,— рассуждает он,— а частичное подтверждение вообще не имеет никакой цены, ибо подтвердить можно все что угодно. Любая глупость может найти себе подтверждение. Ценно *опровержение*, ибо опровержение с несомненностью указывает на ложь и позволяет исключить ложь из наших воззрений. Но почему мы отбрасываем опровергнутые, ложные теории? Потому, отвечает философ, что надеемся однажды построить истинную теорию. С точки зрения Поппера, идея истины для науки является некоторым *регулятивным идеалом*, побуждающим ученых отбрасывать опровергнутые теории и создавать новые. Он сравнивает истину с горной вершиной, скрытой от нас облаками, к которой мы постоянно стремимся, хотя никогда не можем быть уверены в том, что поднялись именно на нее. Таким образом, хотя Потер и пытается сохранить понятие истины в философии науки, от истины остается лишь бледная тень — не истинное знание, которым мы способны актуально владеть, а неясный идеал, который, строго говоря, недостижим.

Однако и эта бледная тень вскоре исчезла в дыму философских дискуссий. Поппер полагал, что если у нас нет критерия истины, ибо подтверждаемость не может служить таким критерием, то все-таки у нас имеется критерий ложности — противоречие теории фактам. Мы не можем с уверенностью указать на истину, но мы способны с уверенностью установить ложь и отбросить ее. Идея истины оказывается необходимой, ибо о ложности имеет смысл говорить только в том случае, если ей противопоставляется истина. Идея истины

¹ См. Tarski A. Der Wahrheitsbegriff in den formalisierten Sprachen. «Studia Philosophica», 1935, № 1.

служит и обоснованием прогрессивного развития науки: отбрасывая ложные теории, мы надеемся создать истинную теорию. Увы, убеждение Поппера относительно того, что противоречие между теорией и фактами является несомненным свидетельством ложности теории, исторически и методологически оказалось несостоятельным. История науки показывает, что всякая новая теория противоречит тем или иным фактам и полностью избавиться от таких противоречий никогда не удается.

Но если ни истинность, ни даже ложность наших теорий не может быть установлена, то понятие истины для философии науки оказывается совершенно излишним и может быть устранено из ее методологического инструментария. В работах ведущих представителей философии науки второй половины XX века — Т. Куна, И. Лакитоша, С. Тулмина и др. — понятие истины уже не встречается. А. П. Фейерабенд прямо объявил истину зловредным монстром, который должен быть изгнан из науки и философии подобно всем другим интеллектуальным чудовищам, которыми разум пытался ограничить человеческую свободу.

Таким образом, позиция Назаретяна может показаться неожиданной и даже эпатажной только в нашей философской среде, привыкшей, не слишком задумываясь, оперировать понятием истины; в западной же философии науки эта позиция, пожалуй, наиболее распространена. Однако ее защитники не вполне отдают себе отчет в том, к каким кардинальным следствиям ведет отказ от понятия истины. Нельзя представлять себе дело так, будто можно отбросить понятие истины из философско-методологического анализа познания, но все остальное при этом сохранится. Нет, придется пересматривать очень многое и решать проблемы, которые мне кажутся неразрешимыми.

Сразу же лишаются смысла понятия доказательства, опровержения, вообще спора и дискуссии. Как можно доказывать или опровергать, не предполагая, что доказательство говорит об истинности некоторого положения, а опровержение — о его ложности? У вас своя модель мира, у меня — своя. В моей модели снег бел, в вашей — черен; в моей модели дважды два — четыре, в вашей дважды два — сапоги всмятку. Я даже не могу упрекнуть вас в противоречии. Ведь мы стремимся избегать противоречий потому, что противоречие необходимо свидетельствует о ложности одного из противоречащих утверждений. Но если нет понятия истины, противоречие оказывается вполне допустимым. Итак, отказ от понятия истины, как мне представляется, сразу же приводит к разрушению логической стороны нашего мышления.

Далее. Если отбросить понятие истины, то становится совершенно неясным само понятие познания. Мы привыкли думать, что знание есть описание некоторой реальности, и процесс познания есть процесс выработки все более точного и глубокого представления о реальности или, по крайней мере, уменьшения ложного содержания наших представлений о ней. Но чем становится знание, если оно не несет в себе истины? Инструментом приспособления человека к окружающей среде? Инструментом для предсказания феноменов и разработки новых технологий? Инструменталистское понимание знания уже неоднократно обсуждалось в литературе, критические аргументы против него известны, и я не хотел бы их здесь повторять. Замечу лишь: отказ от понятия «истина» ведет к отказу и от понятия «прогресс науки». Ибо развитие науки сведется в таком случае лишь к смене теоретических инструментов, и нельзя будет утверждать, что мы знаем о мире больше, чем античные греки или средневековые монахи. Но можно ли защитить такой взгляд?

Наконец, боюсь, мы в значительной мере перестанем понимать поведение людей. Почему люди так пылко отстаивают свои идеи и убеждения? Потому, что считают их истинными — истинными именно в классическом смысле, т. е. адекватно отражающими реальное положение дел. Я не знаю, как иначе объяснить действия людей, когда они поступают вопреки своим собственным интересам, иногда даже вопреки жизненным показаниям.

Не буду больше останавливаться на проблемах и трудностях, с которыми связан отказ от понятия истины. Кризис классической науки в конечном счете нашел выражение в кризисе традиционных гносеологических представлений, о чем и свидетельствуют дискуссии вокруг понятия истины, не прекращающиеся на протяжении всего XX столетия. Было бы, конечно, интересно посмотреть, нельзя ли обойтись без этого понятия в ограниченной области гносеологических и логико-методологических проблем. Мне же представляется более продуктивным путь дальнейшей разработки и уточнения классической концепции истины — уточнения идеи соответствия для различных видов научных предположений, уточнения смысла понятия истины для естественных и общественных наук. Это тот путь, по которому двигался Тарский.

Вопрос об истине в области общественных наук всегда был гораздо более сложным, чем в естествознании. Классическое понятие истины оказалось здесь не вполне пригодным. Поэтому скепсис Назаретяна, а также историка И. Ионова в отношении понятия истины в значительно большей мере

оправдан для сферы наук о человеке. Конечно, и здесь встречаются истины, подобные естественно-научным. Когда, например, историк утверждает, что Цезарь перешел Рубикон 10 января 49 года до н. э. или что Генрих IV был убит Равальяком, то это, в сущности, обычные научные истины. Если они хорошо обоснованы, то с ними, как и с естественно-научными истинами, соглашаются все. Однако такие положения оставляют нас равнодушными, не вызывают эмоционального отклика, не возбуждают желания бороться за них. В самом деле, бессмысленно волноваться по поводу того, что Луна светит отраженным светом, или создавать общественное движение в поддержку этого положения. Его истинность определяется объективным положением дел и от нас совершенно не зависит. Многие положения общественных наук носят точно такой же характер.

Вместе с тем нетрудно заметить, что в сфере наук об обществе, о человеке и духе встречаются такие положения, которые способны вызывать горячую преданность и бешеную злобу, восторг и скрежет зубов. Существуют положения, отстаивая истинность которых люди жертвуют своим благополучием и даже жизнью. Что это за утверждения? Чем вызвана столь интенсивная эмоциональная окраска?

Скажем, вопрос о происхождении русской государственности. В XVIII веке ряд немецких историков, состоявших на русской службе, выдвинули тезис, что создателями государства на Руси были норманны (так называемая норманская теория). Этот тезис подвергся резкой критике со стороны большинства русских историков, начиная с М. Ломоносова, и в настоящее время практически отвергнут. Почему же тезис норманистов, внешне мало чем отличающийся от других утверждений исторической науки, вызвал столь бурную и длительную полемику? Почему его отвергали с таким жаром? Видимо, потому, что он задевал национально-патриотические чувства русских историков. По существу, речь шла о национальном самосознании.

Можно вспомнить и о той возмущенной критике, которую породила теория роста народонаселения Т. Мальтуса, руководствовавшегося при ее создании вполне научными и к тому же благими соображениями. Известно, что и экономическая теория К. Маркса у одних людей вызвала пылкую преданность, у других — столь же пылкую ненависть. А споры народников и марксистов по поводу развития капитализма в России? На первый взгляд, утверждение «Капитализм в России существует и развивается» мало чем отличается от утверждения «Квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов». Однако и люди, принимавшие первое из них, и те, кто его отвергал, делали это с воодушевлением, всюду находили подтверждение своим взглядам, нисколько не смущаясь противоречащими примерами. Трудно представить, что могла бы найтись большая группа людей, которые с таким же пылом восстали бы против или выступили в защиту теоремы Пифагора.

В общественных науках такое встречается на каждом шагу. Поэтому для них в гораздо большей степени, чем для естествознания, характерен плюрализм идей и концепций, объяснений и интерпретаций. И дело здесь не только в том, что утверждения и теории общественных наук, как правило, менее обоснованы, хотя и это обстоятельство играет некоторую роль. Коренной основой плюрализма является *психологическая избирательность* людей к тем или иным утверждениям и теориям. Вообразите себе, например, некую расовую теорию, из которой следует, что народ, к которому вы принадлежите, в силу своих генетических, этнических, культурных и прочих особенностей в чем-то ниже других народов. Вряд ли эта «истина» оставит вас равнодушными.

Мне кажется, можно констатировать важное различие между естественно-научными утверждениями и утверждениями общественных наук: чтобы научное сообщество признало первые истинными, достаточно обычного научного обоснования; для вторых этого недостаточно, хотя их часто признают истинными, даже если такое обоснование отсутствует или страдает существенными изъянами. Чем объяснить это различие?

Можно предположить, что понятие истины в общественных науках включает в себя некий оценочный элемент, которого лишено понятие истины в естествознании. Соглашаясь с тем, что некоторое естественно-научное положение истинно, мы тем самым признаем существование в действительности определенного положения дел, но никак его не оцениваем. Когда же мы считаем истинным некоторое утверждение относительно общества или человека, мы неявно присоединяем к этому его оценку: данное утверждение справедливо, выраженное им положение дел несет в себе добро и благо. В то же время, не желая признавать истинность некоторой идеи или теории, мы думаем не столько о несоответствии их реальному положению дел, сколько о несоответствии их нашим представлениям о добре и справедливости. Короче говоря, в общественных науках понятие истины сложнее и богаче, нежели в естествознании: в его содержание включается не только идея соответствия *объекту*, но еще и идея соответствия ценностным представлениям *субъекта*.

Быть может, для выражения этого комплексного понятия подошло бы слово «правда». Тогда в

методологии естествознания у нас сохранилось бы понятие истины, а в методологии общественных наук мог быть использован его аналог — понятие правды. Легко заметить, что эти понятия по-разному связаны с обоснованием. Признание истины всецело зависит от ее обоснованности. Сколь бы вероятным ни казалось нам некое естественно-научное положение, оно будет считаться не более чем гипотезой до тех пор, пока не получит серьезного теоретического или экспериментального обоснования. Только эксперимент или теоретическое доказательство позволяют нам назвать нечто истинным. Правда в гораздо меньшей степени зависит от обоснования. Часто мы склонны считать правдой некоторое утверждение просто потому, что оно отвечает нашим представлениям о должном и справедливом, даже если при этом оно и плохо обосновано. И столь же часто мы отказываемся считать правдой положение, которое будто бы и хорошо обосновано, но расходится с нашими ценностными представлениями.

И это вовсе не произвол, не каприз субъекта. Дело в том, что если *истина целиком детерминируется объектом, правда сама способна подчинить себе объект*. Когда мы считаем некоторое утверждение правдой, оно может плохо соответствовать социальной реальности. Но если оно согласуется с нашими представлениями о должном и справедливом, о возможных тенденциях развития общества, его расхождение с действительностью побуждает нас к действию. Наша деятельность способна изменить социальную реальность таким образом, что наша правда станет ей вполне адекватна.

За истину или против нее бороться бессмысленно. Правда же побуждает к борьбе — борьбе за сохранение или изменение социальной реальности. И эта борьба имеет смысл, ибо реальность может быть изменена. У истины и правды *разная онтологическая основа*: у истины — независимая от человека объективная реальность, у правды — мир общественных отношений, который творят сами люди. Отстаивая правду, люди, по сути дела, борются за реализацию того социального мира, в котором им хотелось бы жить. Становится понятной и сильная эмоциональная окрашенность правды: она не просто констатирует положение дел в социальном мире, но выражает и ценностные ориентации субъекта, которыми он руководствуется в своей деятельности. За стремлением претворить правду в жизнь всегда лежит стремление субъекта к самореализации, к утверждению своих представлений и идеалов.

Получает объяснение и плюрализм, столь характерный для общественных наук. Субъекты социального познания — люди, различающиеся своими представлениями о жизни, о добре и зле, о должном и справедливом, — имеют разные ценностные ориентации и идеалы. Следовательно, они принимают в качестве правды или опровергают различные положения и концепции. И если в области естествознания существуют общезначимые научные истины, то в сфере общественных наук подобное единство научного сообщества чаще всего оказывается невозможным.

Методология естествознания при оценке результатов науки использует лишь одну — *гносеологическую* — характеристику и довольствуется понятием истины как соответствия знания объекту. В сфере же социальных наук мы обнаруживаем еще одну — *аксиологическую* — характеристику знания и вводим понятие правды в качестве соединения его гносеологической и аксиологической характеристик.

Рассматривая научное знание в целом, мы можем теперь сказать, что его оценки колеблются между гносеологическим и аксиологическим полюсами. На одном полюсе мы находим положения, оцениваемые только в их отношении к действительности — гносеологически. На другом полюсе находятся положения, оцениваемые только аксиологически, с точки зрения ценностных представлений субъекта. Эти два полюса — идеализации. Реальные научные положения располагаются между крайними точками. Для естествознания более подходящим является понятие истины, хотя полностью исключить аксиологический элемент нельзя. В области социальных наук понятие истины может быть использовано и используется, но ведущим является понятие «правда», соединяющее в себе как гносеологический, так и аксиологический аспекты и компенсирующее слабость обоснования истины в общественных науках ее эмоциональной привлекательностью.

Надеюсь, мне удалось подбросить немного дров в костер дискуссии. Я думаю, понятие «истина» необходимо для методологии научного познания, однако в разных областях науки оно может приобретать различные смыслы.